

**И. Ю. Сапожникова
О. Я. Сапожников**

**Мечта о русском единстве.
Киевский синопсис (1674)**

*Текст предоставлен издательством «Европа»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171340
Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674): Европа; Москва; 2006
ISBN 5-9739-0054-1*

Аннотация

Сочинение ректора Киево-Могилянской коллегии, архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля, составленное вскоре после Переяславской рады, утвердившей присоединение Украины к России, в течение целого века исполняло роль единственного учебника российской истории. С появлением подлинно исторических сочинений, начиная с Ломоносова, «Синопсис» перешел в разряд памятников культуры, иные из которых неожиданно обрели острую актуальность. «Синопсис» интересен уже тем, что ясно доказывает: идея объединения всего русского народа под властью единого государства рождена была не в Москве, а в юго-западных землях, и оформлена в Киеве. Сейчас, когда у соседей одна за другой издаются книги, авторы которых возводят украинскую государственность к скифам и сарматам, особенно сильно звучит древний текст, в котором есть «Россия», «Русь», «Земля Русская», «Российская земля», «Земля Российская», «Государство Русское», «все государства Российские», «все Княжения Российские», «Государство Российское». В последних главах появляются «Великая и Малая, и Белая Россия». Ни слова «Украина», ни производного «украинский» в «Синопсисе» нет.

«Синопсис» – сочинение XVII века, современному читателю мало знакомы правила построения предложений, приемы «плетения словес», некоторые речевые обороты и отдельные слова. Чтобы облегчить восприятие текста, издание дополнено кратким словарем.

Содержание

Предисловие	4
КИЕВСКИЙ СИНОПСИС,	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

О.Я. Сапожников, И.Ю. Сапожникова

Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674)

Предисловие

Каждому ведь человеку необходимо знать о своей отчизне и другим вопрошающим рассказать. Ибо людей, не ведающих своего рода, глупыми почитают.

Феодосий Сафонович, игумен Киевского Златоверхого Михайловского монастыря (XVII в.)

«Киевский синопсис» – яркое и интересное явление русской культуры, литературы и истории. Сочинение было впервые опубликовано в типографии Киево-Печерской лавры в 1674 году и в течение XVII–XIX веков переиздавалось более 30 раз.

Что же делало этот труд XVII века столь востребованным русским обществом на протяжении более чем двух столетий?

XVII век был переломным в истории Европы – начиналось Новое время.

Существенные изменения затронули социальную, экономическую и политическую сферы. Одним из проявлений новых общественных тенденций стало появление национальных государств, строившихся на единстве народа-нации, общности исторической судьбы, культуры (важной частью которой являлась религия) и выборе единой модели социально-экономического развития. Восточная Европа переживала масштабные изменения, и многие признаки свидетельствовали о превращении «Русской земли» в «Русское государство».

«Киевский синопсис» был не только отражением процесса объединения России-народа и России-государства, но и средством борьбы за объединительную идею. Двумя идеологическими центрами этого исторического движения были Киев и Москва.

В этой связи показательна история издания и переиздания «Синопсиса».

Инициатива разработки объединительной идеологии исходила из Киева, и вслед за первым изданием 1674 года, в котором повествование заканчивалось царствованием Алексея Михайловича, последовало второе – 1678 года, в текст которого были внесены небольшие изменения и дополнения, связанные с вступлением на престол царя Федора Алексеевича. Количество глав, а их было 110, не изменилось. Третье издание, также осуществленное в типографии Киево-Печерской лавры, было дополнено шестью главами о Чигиринских походах объединенного русского войска, предотвративших турецко-крымскую агрессию.

Последующие издания, начиная с 1736 года, выпускались Санкт-Петербургской академией наук. За основу было взято последнее киевское издание, и «Синопсис» с тех пор неизменно включал 116 глав. Изменения коснулись другого: не делая перевод, который из-за общности славянского (древнерусского) языка и незначительной его архаичности был, в сущности, и не нужен, петербургские издатели использовали вместо кириллицы петровский гражданский шрифт. Кроме того, издатели сочли необходимым добавить пояснение о пророчестве Дмитрия Волынского перед Куликовской битвой, поскольку оно имело в своей основе языческое содержание.

Последние три издания 1823, 1836 и 1861 года снова были осуществлены в Киеве.

В основу настоящей публикации лег текст «Киевского синопсиса» в издании типографии Киево-Печерской лавры 1836 года и доступный благодаря бережному хранению экземпляра в фондах Российской государственной библиотеки.

Что такое синопсис? Кто написал «Киевский синопсис»?

Синопсис (греч.) – обозрение, изложение, собрание некоего материала.

Современные аналоги этой формы – конспект, пособие, энциклопедическая статья. В традиции древнегреческой науки термин использовался для обозначения материала, изложенного в краткой безоценочной форме и содержащего исчерпывающие сведения о каком-либо предмете. В Византии синопсисами называли преимущественно богословские и исторические тексты. Главным принципом изложения исторических текстов являлся хронологический. Составителей синопсисов называли синоптиками.

«Киевский синопсис» являет собой удачный пример систематического изложения истории. Он содержит отобранные и представленные в хронологическом порядке краткие сведения об основных событиях русской истории, имевших, с точки зрения автора, судьбоносное для народа и государства значение.

Такой принцип изложения является переходной формой от летописания (составления хроник), характерного для Средневековья, к историческому научному исследованию, ставшему основной формой осмысления истории в Новое и Новейшее время.

Летопись создавалась человеком, погруженным в теоцентрическое мировоззрение.

Творцом человека и его истории выступал Бог, он единственный владел знанием смысла исторического процесса. Человек знал начало (создание человека, Адам, Ева, Ной) и конец – Второе пришествие Иисуса Христа и Страшный суд. Летопись создавалась для Бога, как свидетельство земной жизни отдельных людей и народов, поэтому летописец, осознавая свою посредническую роль, не дерзал давать событиям, фактам и людям индивидуальную оценку. Он был не «создателем» истории, а ее свидетелем. Летописец знал, что главное для человека – сохранение души, чтобы встать на Страшном суде по правую руку от Создателя. Если он и давал историческим персонажам и событиям оценки, то они касались соблюдения норм христианской морали. В этом проявлялась его «учительная» позиция. Беды, неудачи, поражения трактовались как предупреждение и наказание за грехи. Но летописец не был пессимистом; он выражал глубокий оптимизм, поскольку Бог, наделивший смыслом жизнь и историю христианского народа, обязательно сохранит и спасет его при условии бережения души и верности своему предназначению.

В Новое время совершается революционный переворот в сознании: на смену теоцентризму приходит антропоцентризм. Человек становится творцом мира, культуры, истории, нравственности и самого Бога. История превращается в арену битвы человеческих сил: его желаний, представлений, заблуждений и т. д.

Исторический труд становится аналитическим произведением, где автор с заинтересованных позиций оценивает игру человеческих сил.

Этот упрощенный анализ мировоззренческого переворота приведен здесь с единственной целью – показать особенности текста «Киевского синопсиса».

Это уже не хронограф, но еще и не историческое исследование. Синоптик – участник современной ему истории; он уже не только фиксатор, но и выразитель определенной идеологии. Его авторская позиция выражается не в том, что он, как современный исследователь, прямо заявляет о своих взглядах, оценках, предположениях и выводах. Его позиция проявляется в первую очередь в *подборе и систематизации материала*. Единое монументальное полотно складывается, как мозаика, из разноцветных и разнофактурных «кусочков смальты»

– эпизодов истории, каждый из которых играет своей индивидуальной краской на пользу единой идее произведения.

Индивидуальная позиция автора, а он сторонник общерусской идеи, скрывается и за традиционным для летописания *этикетом*. Например, для обозначения разделенных во времени событий и лиц используется одна и та же словесная формула. «Погаными», то есть язычниками, названы автором «Синопсиса» печенеги, половцы, татаро-монголы, турки и крымские татары, в разное время противостоявшие русскому народу и государству. «Самодержцем Всероссийским» синоптик именует Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Александра Невского, Ивана Калиту, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича Романовых, что лишь внешне является формой вежливого титулования. На самом деле за этим скрывается продвижение идеи непрерывности и преемственности русской государственности.

Легкость и изящество, с какими автор «Синопсиса» направляет внимание читателя и формирует у него правильную оценку событий, связность и логичность повествования, гармония между формой и содержанием, – все это определило особую роль этого труда в формировании русской исторической науки. **На протяжении целого века «Киевский синопсис» выполнял роль учебника русской истории.** А затем, будучи оттеснен историческими трудами М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина и др., стал артефактом как русской истории, так и отечественной историографии.

Автором «Киевского синопсиса» является **Иннокентий Гизель** (Ггизель), на пике своей карьеры – ректор Киево-Могилянской коллегии и архимандрит Киево-Печерской лавры.

Некоторые исследователи высказывают сомнения в его авторстве, точнее, в единоличном его авторстве. Основные пункты этой критической позиции таковы: 1) в главе 111 о нем говорится в третьем лице («всечестный господин Иннокентий Гизель»), 2) произведение содержит отрывки, различающиеся рядом текстовых особенностей.

По жанру «Синопсис» – компилятивное произведение, включающее выдержки из других, также частью компилятивных сочинений. Упоминание Иннокентия Гизеля как участника встречи московских и казацких войск в Киеве, с одной стороны, может быть объяснено принятым в литературных трудах переходного этапа *этикетом*. И, с другой стороны, участие другого автора в работе над составлением «Синопсиса» не лишает Иннокентия Гизеля роли основного организатора, руководителя и идеолога этого литературного проекта.

Иннокентий Гизель (1600–1683) родился в г. Кенигсберге, в польской Пруссии. Семья его принадлежала к реформатскому (или иначе – протестантскому) направлению в христианстве. Переселившись в юности в Киев, Иннокентий Гизель перешел в православие и принял монашеский постриг. По некоторым сведениям, он начал свое образование в Киевском братском училище, а затем по рекомендации своего наставника митрополита Петра Могила был послан учиться за границу. Гизель закончил свое обучение курсами истории, богословия и юриспруденции в Львовской латинской коллегии. С 1645 года он последовательно был игуменом нескольких православных монастырей. А в 1647 году Петр Могила завещал Иннокентию Гизелю титул «благодетеля и попечителя киевских школ» и поручил надзор за Киево-Могилянской коллегией. В 1648 году он занял пост ректора этого учебно-просветительского учреждения. Архимандритом Киево-Печерской лавры он стал в 1656 году.

Иннокентий Гизель остался в истории как яркий богослов, проповедник, просветитель, церковный и общественный деятель. В течение своей долгой жизни он был свидетелем и участником судьбоносных для России и православной церкви событий. В 1654 году печерский архимандрит встречался в Смоленске с царем Алексеем Михайловичем, а впоследствии неоднократно писал к нему. Киево-Печерская лавра получала богатые дары от Федора Алексеевича и Софьи Алексеевны.

Иннокентий Гизель действовал в русле церковной и общественной политики Петра Могилы, то есть был сторонником самостоятельности Киевской митрополии и ее пребывания под формальной властью Константинопольского патриарха. Это помешало ему стать таким деятелем общероссийского масштаба, как, например, Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович, Дмитрий Ростовский. В истории он остался представителем региональной элиты.

Русская общественно-политическая мысль XVI–XVII веков: взгляд из Киева и Москвы

«Киевский синопсис» – свидетельство рождения, поддержания и отстаивания объединительной русской идеи церковными кругами Юго-Западной Руси, находившейся в составе Речи Посполитой. История не раз давала возможность убедиться в том, что объединительные тенденции наиболее ярко проявлялись на периферии стран, земель, ареалов расселения народов. Опасность соседства с чужеродной культурой, гнет чуждой государственности жители окраин ощущают острее, и именно они часто являются инициаторами центростремительных процессов.

Россия же в XVI–XVII веках строила свою государственность на иных идеях. Флорентийская уния 1439 года, падение Константинополя в 1453 году и свержение Ордынского ига в 1480 году – вот основные события, занимавшие великорусское сознание в XV–XVI веках и послужившие точкой отсчета для формирования в умах элиты и народа новой самоидентификационной модели.

Видение России как части единого православного мира, сохраняемого Константинополем – «православным Царством», стало невозможным. Турки, захватившие Царьград, разрушили в русских умах прежнее христианское видение всемирной истории. И здесь пригодились популярная в средние века концепция «блуждающего Царства».

Старец Филофей, монах Елеазарова Псковского монастыря, в посланиях Василию III Ивановичу, Ивану IV Васильевичу и дьяку М. Мисюрю-Мунехину четко сформулировал идею, уже давно осознаваемую русским обществом, – идею цивилизационной самостоятельности и единоличной ответственности Русского государства за сохранение православного мира. Не гордыня, не спесь, не пресловутые «имперские амбиции» слышатся в текстах Филофея, а историческая обреченность из-за единственно возможного выбора и тяжелая ответственность: «Раскрой глаза, посмотри окрест – и ты увидишь очевидное: нет больше в мире православных стран, некогда прославленных, православной осталась одна Русь, именно она есть православное царство, сам же ты никакой не великий князь, а православный царь», «Так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём государстве: один ты во всей поднебесной христианам царь».

Концепция «Москва – третий Рим» послужила основой для возникновения других – инструментальных – идей. Легитимность власти Московских Великих князей и царей обосновывалась традиционно для средневекового сознания: 1) через доказательство сохранения прямой династической преемственности, 2) посредством историй о передаче символов царской власти. Путь, по которому лилась непрерывная река царственной крови и по которому передавались священные символы власти, был таков: Рим ветхий – Константинополь – (Киев) – (Владимир) – Москва.

«Повесть о белом клобуке» Дмитрия Герасимова (?)¹ объясняла, каким образом символ высшей церковной власти перешел из Рима в Константинополь, а затем появился на Руси.

¹ (?) – Знаком вопроса помечены места, где авторство доподлинно не установлено.

В «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы и близком к нему «Сказании о князьях Владимирских» (Пахомий Серб?, Дмитрий Герасимов?) была высказана идея о происхождении династии Рюриковичей от легендарного Пруса – родственника Римского императора Августа. Здесь же излагалась история передачи царских регалий от императора Константина Мономаха своему внуку Киевскому князю Владимиру Мономаху. Эти идеи получили всеобщее признание, и потому широко использовались во многих сочинениях.

Другая тема, которая занимала русских идеологов, – решение вопроса о соотношении светской и церковной власти, когда и царская, и высшая церковная власти оказываются в одном государстве. Тогда всем было ясно, что исторически сложившаяся иерархия патриархов – дань традиции. Постоянные слезные обращения восточных патриархов, стесненных другими религиями и неправославными государствами, за имущественным и денежным содержанием к русским царям, наводили на мысль об истинном положении дел в православном мире – о первенстве русской церкви.

В русской церкви оформились две «партии» – иосифляне и нестяжатели.

Иосифляне (так называли сторонников Иосифа Волоцкого, влиятельного игумена Успенского Волоколамского монастыря) считали сохранение единства страны главным условием укрепления церкви. Они боролись за строгое соблюдение православных норм, и потому для них борьба с сепаратизмом являлась формой жесткого противостояния ересь. Многочисленные *нестяжатели* или «заволжские старцы», чьим духовным лидером был Нил Сорский, боролись против церковной собственности (т. е. стяжательства). Они стремились возвысить церковь и монашество до уровня высокого духовного служения, подвижничества. Очевидно, что представители обоих непримиримых направлений отстаивали приоритет церкви над государством, и их идеологическое противостояние было лишь спором о методах воздействия церкви на светскую власть.

Сочинения Ивана IV Грозного, Ивана Пересветова отражали другую позицию: их авторы защищали тезис о верховенстве светской власти над властью церковной. В острой и длительной дискуссии, развернувшейся в XVI веке, победу одержала реалистическая политическая линия сторонников самодержавия, согласно которой руководствоваться нужно интересами здесь и сейчас существующего Русского государства.

Эта победа показала, что Россия пока не хочет переходить от государственной идеи к осуществлению идеи вселенской или имперской. Страх за Россию, за ее сохранность определял мировоззрение русской идеологической элиты. «Посмотри на все это и подумай, ... как погибли эти страны!» – один из мотивов переписки Ивана Грозного и его оппонента – бежавшего в Литву князя А. Курбского.

САМОдержавие – это не только единоличная централизованная власть, но и власть суверенная, независимая, «своя». В России XVI века были сделаны первые шаги в направлении разработки и реализации теории русского суверенитета. Примечательно, что и в ряде европейских стран в это время появилась потребность в обосновании национального суверенитета: итальянец Макиавелли, француз Боден и немец Лютер высказывали идеи, близкие взглядам Ивана IV Грозного.

Основой идеологической позиции русского царя стали политический реализм, прагматизм, реализация национального русского интереса, отказ от решения казавшихся невыполнимыми задач. «Ничем я не горжусь и не хвастаюсь, и ни о какой гордости не помышляю, ибо я исполняю свой царский долг и не делаю того, что выше моих сил».

Смута начала XVII века подорвала российскую государственность, Третий Рим зашатался... Но следование традиции и стремление отстоять свою веру, свое государство, свой народ одержали победу в сложном противостоянии разнообразных политических сил. Сгинули в небытие «первый русский император» – амбициозный Лжедмитрий I и другие само-

званцы. А Романовым потому и удалось стать основателями новой династии, что они в глазах народа были продолжателями династии Рюриковичей.

Итак, сохранение православия, соблюдение «исконных» прав сословий, сохранение своих традиций и защита своей земли от иностранной и иноверческой агрессии – вот идеи, также ставшие основой новой-старой русской государственности.

Споры о соотношении светской и церковной власти возобновились в XVII веке при втором Романове – Алексее Михайловиче. Патриарх Никон пытался поставить священство выше царства, церковь выше самодержавия, претендовал на место первого вселенского патриарха. Это таило в себе угрозу использования русского государства для решения религиозных проблем всей православной ойкумены. Не подкрепленные реальными ресурсами амбиции патриарха привели, в конечном счете, к краху его карьеры.

Под его идеологическим диктатом Россия напряженными усилиями воссоединилась с православными Малой и Белой Русью. Можно только представить, что стало бы с русским государством и страной, будь Никон первым вселенским патриархом... Но победа осталась за царем.

Следует задуматься над тем, почему Алексей Михайлович вошел в историю под титулом «Тишайший». Не потому, что в его царствование не было социальных потрясений: были и Медный, и Соляной бунты, и Новгородское восстание, и неповиновение сибирских татар и башкир, и восстание монахов Соловецкого монастыря, и бунт Степана Разина... А потому, что, противопоставив «тишину» «мятежу», он прежде всего ставил перед собой прагматичные, даже утилитарные цели наведения порядка «в своем доме».

И титул «государя всея Руси» не должен вводить в заблуждение. Это был титул-идея, титул-мечта, титул-воспоминание о бывшем когда-то единстве русских земель. Алексей Михайлович не был инициатором проекта воссоединения земель, входивших когда-то в состав единого древнерусского государства.

Более того, и «самодержцем» он не титуловался. Он правил совместно с Земским собором согласно условиям, принятым в 1613 году при избрании на царство его отца Михаила Федоровича Романова. Титул «Царь, Государь, Великий Князь и всея Великия, Малыя и Белья России Самодержец» он принял лишь 1 июля 1654 года после того, как состоялась Переяславская рада. Следование малороссийским чаяниям (а казацкая старшина дюжинами отправляла в Москву просьбы принять Малороссию под скипетр русского царя) поставило перед Алексеем Михайловичем задачу выполнения функций, каковые соответствовали единой державной власти, в частности, защиты новых подданных и обустройства вновь обретенных земель.

Идея объединения русского народа под властью единого государства исходила из юго-западных русских земель. Эта фактически региональная инициатива приобретала разные формы, в том числе и стихийного народного порыва. Идеологически она была обоснована образованной элитой – православным духовенством Юго-Западной Руси. Именно оно выстроило концепцию единого с древних времен славянорусского народа, единого и непрерывного Киево-Московского государства от IX до XVII веков, неизменной приверженности православию разделенного русского народа. Этот идеологический натиск изощренных в системе доказательств «киевских старцев», знакомых с латинской ученостью, натиск с использованием близких русскому уму и сердцу идей, мифов, мотивов, повлиял на решение Алексея Михайловича выйти за рамки «тишайшей» политики.

Идеологический фон событий середины XVII века был гораздо сложнее, и воссоединение всей Руси не выглядело столь уж неизбежным и скорым. Советы, данные царю Юрием Крижаничем, приехавшим в Россию сербом-славянофилом, в его работе «Политика» (1666) свидетельствуют о наличии другой точки зрения. Он советовал Алексею Михайловичу укреплять «самовладство», сосредоточиться на решении вопросов внутренней политики,

прежде всего социальной, укреплять рубежи государства, в прямом смысле закрыть границы, ограничив общение с иноплеменниками и иноверцами. Это была программа защиты собственного этнического, религиозного и исторического лица. Ю. Крижанич был первым, кто так явно и заинтересованно проводил идею России как национального государства.

Весьма показательно, что антиподом России у Крижанича выступала Польша, названная «новой Вавилонией», которая, по его мнению, являлась средоточием всех черт, приносящих гибель славянскому народу и государству. Если мыслить согласно этой логике, то воссоединение большей части русских земель, входивших в состав Польши, с Великороссией открывало перед Россией другую историческую перспективу – имперскую – со всеми ее недостатками.

В этой связи «Киевский синопсис» представляет несомненный интерес, поскольку победу одержала идеология воссоединения, обоснованная и развитая в этом произведении.

Как соединилась киевская идея общеславянского единства и московская концепция русской государственности

«Синопсис» был написан на основе «Хроники» Феодосия Сафоновича (Софоновича), игумена Киевского Златоверхого Михайловского монастыря, составленной в 1672–1673 годах. Это было актуальное историческое сочинение, нацеленное на формирование национального русского самосознания. Полное название труда – «Хроника, составленная из Летописцев стародавних, из Нестора Печерского и иных, также из хроник Польских о Руси, откуда Русь началась». Изложение событий Феодосий Сафонович предварил замечанием: «Каждому ведь человеку необходимо знать о своей отчизне и другим вопрошающим рассказать. Ибо людей, не ведающих своего рода, глупыми почитают».

Великорусская историческая литература в XVI–XVII веках развивалась в направлении «обмирщения», то есть формирования светских исторических и социально-политических концепций. И концептуальным каркасом русских сочинений стали идеи национальной, культурной и государственной идентификации.

В XVII веке, приблизительно в одно время с «Киевским синопсисом», появились другие труды по русской истории. Если Крижанич в уже упомянутой «Политике» (1666) призывал отказаться от всех легенд при обосновании легитимности власти, то «История о царях и великих князьях земли русской» (1669) дьяка Федора Грибоедова, написанная по поручению Алексея Михайловича, воспроизводила основные государственные легенды.

В это время остро ощущалась необходимость написания русской истории в соответствии с новым рационалистическим мировоззрением. Вместо божественного провидения основными критериями должны были стать национальная, культурная, социальная и политическая целесообразность.

До нас дошел интересный памятник того времени – предисловие к ненаписанному труду по русской истории, называемому исследователями «Учение историческое» (1676–1682). Неизвестный автор считал, что историк должен занять активную и заинтересованную позицию и, соблюдая истину, вскрывать причины описываемых явлений. С горечью он признавал, что «только московский народ и российский историю общую от начала своего не сложили и не издано типографии по обычаю».

Отпечатанный типографским способом «Киевский синопсис» сыграл роль первого учебника русской истории, потому что его автор предпринял попытку соединить старые и новые приемы отстаивания единства русского народа, русского государства и русского православия.

Итак, «Киевский синопсис»...

О чем, как и для чего написан «Киевский синопсис»?

О славянах и русских

Сочинение начинается как средневековый исторический труд: излагается «начало истории», то есть Ноев потоп и раздел земли между его сыновьями (гл. 1).

Русской истории смысл был придан Богом, который выделил этот народ и поставил его на одно из видных мест в мировой истории. Если Симу достались восточные земли и сан священства, а Хаму – Африка и «иго работы», то Иафет наследовал Европу и «достоинство Царское, храбрость воинственную и расширение племени».

В большей степени, по мнению составителя «Синопсиса», предназначение Иафетова племени раскрылось в славянстве и в русском народе. *Славные*, то есть *славяне*, были наиболее воинственны, а *россияне* приобрели свое имя от великого *рассеяния* (гл. 2, 5). Русские, или российские, народы – это славяне, «единого естества, отца своего Иафета, и того же языка» (гл. 5). И потому *славянорусский народ* как народ «благонароচিতой породы» с тех пор пребывает в величии и «венцом присноцветущей славы украшаем».

Античная история является неким фоном усиления славянского могущества. Из польских источников взяты легенды о даровании славянам Александром Македонским в IV веке до н. э. некоей грамоты о подтверждении их привилегий, о страхе перед славянами римского императора Августа и о якобы славянском происхождении германского вождя Одоакра, разорившего Рим (гл. 3)².

Таким образом, история славянорусов вписывается Иннокентием Гизелем в концепцию «один народ – одно происхождение – одна страна – одна цель». Интересно в этой связи, как гармонично в текст «Синопсиса» во вводных обзорных главах о географии континентов добавлено упоминание о присоединении Казани и Астрахани Иваном IV. Здесь господствует смысл истории, а не строгое следование хронологии и логике. Ведь смысл деяний Ивана Грозного – выход во владения Сима, следование царственному предназначению Иафетова племени (гл. 4).

Показательно и то, что при перечислении европейских народов и государств синоптик выстраивает закономерную очередность: сначала следует территория Византии, затем «Славяне, Русь, Москва, Польша, Литва», затем «ближнее зарубежье» славянских народов, и лишь потом в хаотичном беспорядке страны и народы Западной, Северной и Южной Европы (гл. 4).

«Синопсис» – сочинение переходного типа, поэтому порой исторические факты, почерпнутые из античных сочинений, трактуются символически, а библейские тексты, напротив, не иносказательно, а буквально. Так, здесь воспроизводится легенда о том, что Москва получила свое имя от сына Иафета Мосоха, и потому русские стали называться «мосховитами», то есть москвитями (гл. 8).

Иннокентий Гизель добавил в свой труд отдельные главы о сарматах и роксоланах (гл. 6, 7). Его версия о взаимодействии славян с этими народами перешла в историческую науку XVIII–XX веков (М.В. Ломоносов, Д.И. Иловайский, А.В. Арциховский, П.Н. Третьяков, Б.А. Рыбаков и др.).

Культивируемая автором «Синопсиса» идея славянорусской общности нашла выражение и в используемой терминологии. Народ, истории которого и был посвящен этот труд, составитель называл «славяне», «русь», «росы», «россы», «русины», «русские», «русские», «россияне», «славянорусы», «славянороссияне», «народ роский», «российский народ»,

² На буквальном прочтении этих легенд в современных псевдонаучных и идеологических учениях составители решили не останавливаться.

«народ русский». Это служит дополнительным средством доказательства той мысли, что «россы строною, естеством же едины» (гл. 16).

Иннокентий Гизель не был оригинален: «русскими» и «российскими» во многих сочинениях того времени назывались народ и язык, которые в настоящее время вследствие политических пертурбаций и идеологических концепций получили различное наименование.

Например, переведенная Франциском Скориной «Библия» (XVI в.) была названа автором «Бивлия руска». Острожская библия 1581 года была адресована «о Христе избранным в народе русском, сыном Церкви восточная, и всем съгласующимся языку словенскому и съединяющимся тояжде церкви православию христоименитым людям». В польской «Хронике» М. Стрыйковского язык Юго-Западной Руси назван «славянским русским». Немецкий дипломат С. Герберштейн писал в своих «Записках» (XVI в.): «Из государей, которые ныне владеют Россией, главный есть великий князь Московский, который имеет под своею властью большую ее часть, второй – великий князь Литовский, третий – король Польский, который теперь правит и в Польше, и в Литве».

Автор «Синопсиса» считает всю Россию общим достоянием русского народа. И потому Юго-Западная Русь, находящаяся под чужой властью, для него – часть единой России, а народ, населяющий эти земли, – часть русского народа.

Этим объясняется тот факт, что в описании событий с IX по XVII век он использует общие формулы: «Российский главный град Киев», «заступник наш российский Святой апостол Андрей Первозванный», «древние Летописцы Российские», «Российская земля» и «страна Российская», «народ Российский» и т. д.

Следовательно, российская история, по версии синоптика, начинается с происхождения единого славянорусского народа и заканчивается объединением русских земель под властью русского царя Алексея Михайловича и его наследника Федора Алексеевича.

О России и русском государстве

Если народ един, то едина и история его государственности. Составителем текста применяется общая терминология к обозначению русского государства, отсчет которого он ведет с V века³ и заканчивает современными ему событиями века XVII.

В главах, посвященных первым русским княжениям, периоду феодальной раздробленности и т. д. вплоть до воссоединения с Великой Россией, мы находим параллельно используемые обозначения страны и государства: «Россия», «Русь», «Земля Русская», «Российская земля», «Земля Российская», «Государство Русское», «все государства Российские», «все Княжения Российские», «Государство Российское». В последних главах появляется «Великая и Малая и Белая Россия».

Примечательно, что слово «Украина» и производные от него в «Синопсисе» не встречаются ни разу.

Титулы князей, великих князей и царей также служат автору доказательством никогда не исчезавшего единства народа и государства. «Князьями Российскими» были названы Кий, Щек и Хорив (гл. 13); княгиней «Киевской и всея России» была названа Ольга (гл. 25); Святослав и Владимир I Святой именуются «Великими Князьями Киевскими и всея России Самодержцами» (гл. 26–46). Князь Ярослав, сын Всеволода Большое Гнездо, назван «Старейшим Князем Московской земли и над Киевом» (гл. 104). А о Данииле Галицком, его современнике и одном из наиболее сильных князей Юго-Западной Руси, сказано, что он лишь «писался Самодержцем всея России» (гл. 104). Александр Невский именуется «Князем Киевским из Земли Российской» (гл. 104). Царь Федор Иоаннович носит титул «Великий Государь Царь и Великий Князь, всея России Самодержец» (гл. 108), а Алексей Михай-

³ Из польских хроник он почерпнул известие о дате основания Киева в 431 г.

лович титулуется как «Великий Государь наш Царь и Великий Князь, всяя Великия и Малыя и Белья России Самодержец» (гл. 110).

Иннокентий Гизель использует все идеи, в XVI–XVII веках положенные в основу русской государственности. Он выводит происхождение русской династии от императора Августа, воспроизводит легенду о Мономаховом венце (гл. 58), активно проводит идею преемственности власти от Киева к Владимиру, от Владимира к Москве.

Единство, общность, неразрывность истории русского народа и его государственности – вот что определяет структуру «Синопсиса». Она состоит из следующих тематических блоков:

- 1) славянский этногенез, «предназначение» славян, их место в мировой истории (гл. 1–12);
- 2) княжения первых русских князей от Кия, Рюрика до Владимира Всеволодовича Мономаха (гл. 12–60);
- 3) Батыево нашествие, пребывание русских княжеств под татаро-монгольским игом (гл. 71–73, 104);
- 4) создание антитатарской коалиции Дмитрием Донским и Куликовская битва (гл. 74–103);
- 5) история православной церкви: перенесение Киевской митрополии в Северо-Восточную Русь (гл. 105); разделение русских митрополий (гл. 107); учреждение в Москве патриаршества (гл. 108);
- 6) вхождение Волынского, Галицкого и Киевского княжеств в состав Литвы, а затем Польши, низведение Киевского княжества до статуса воеводства (гл. 106, 109);
- 7) соединение русских земель под властью Московского царя Алексея Михайловича (гл. 110);
- 8) Чигиринские походы (гл. 111–116).

Структура «Синопсиса» указывает на то, что его автор считает объединение русских земель закономерным итогом истории. Более того, он всеми доступными ему средствами проводит и отстаивает национально-государственную позицию.

Не случайно главы, посвященные истории XVII века, то есть воссоединению русских земель и русского народа, столь патетичны. Автор предлагает нам гимн русского единения и спасения Малороссии: «Богоспасаемый преславный и первоначальный всяя России Царственный град Киев, после многих перемен в положении своем, изрядною милостию Божией на первое место возвратившись, от древнего достояния Царского снова в достояние Царское пришел, когда Царь Царям и Господь Господам выше прочих Царей земных вознес рог Христа своего⁴ – Великого Государя нашего Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всяя Великия и Малыя и Белья России Самодержца и многих государств и земель восточных и западных и северных отчича и дедича и наследника и Государя и обладателя, вернул его Царского пресветлого Величества искони вечную скиптроносных прародителей его отчину, Царственный тот град Киев...»

Связывая царя Федора Алексеевича и Владимира I Святого, автор «Синопсиса» как бы завершает цикл «возвращения на круги своя». Федор Алексеевич Романов предстает как «добрая отрасль... от доброго корня во благочестии первоначального Царя Киевского и всяя России Самодержца Святого Равноапостольного Князя Владимира».

Особую роль в поддержании идеи единства сыграло повествование о Куликовской битве. Никакая другая тема не заняла такого объема (29 глав из 116). Важно отметить, что это

⁴ В переносном смысле рог – сила, власть, защита; рог ин-рога, то есть единорога – древний символ, в интересующее нас время использовался для обозначения идеи торжества христианского государства; встречался, например, в русской символике периода Казанского похода.

событие XIV века, когда часть русских земель оказалась под властью Великого княжества Литовского. Но для киевского автора Куликовская битва – это факт общей русской истории. Потому он лишь вскользь упоминает о другой битве, где были разгромлены татарские войска, – о победе литовского князя Ольгерда в сражении у Синих Вод в 1363 году (гл. 103).

Куликовская же битва предстает актом сопротивления всей русско-православной цивилизации: это битва за «веру христианскую, за церкви святые, за землю русскую». Не случайно в изложении истории этого сражения упоминаются и Владимир I Святой, и Александр Невский, ставшие символами русской веры и русских побед, и святые мученики Борис и Глеб – защитники русского воинства перед Богом.

Особое внимание уделено участию в битве Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского, который наряду с братьями Ольгердовичами представлял Юго-Западную Русь.

Таким образом, взгляд автора «Синопсиса» ничем не отличается от трактовки Куликовской битвы, присутствующей в других русских источниках, например, в «Задонщине» и летописной «Повести о Мамаевом побоище». И Северо-Восточная, и Юго-Западная Русь едины и солидарны в оценке этой знаменательной победы для развития всей русско-православной цивилизации.

Составитель «Синопсиса», рисуя путь русского единения, тем не менее, остается малороссом и киевлянином. Его взгляд – это взгляд человека той части русской земли, которая на долгие века была лишена своей государственности, испытывала притеснения от иноверцев и иноплеменников. Эта во многом окраинная, провинциальная позиция определяет некоторые особенности текста «Киевского синопсиса».

Автор очень мало знает о русской истории вне пределов Киевщины, Волыни и Галиции. Современный читатель удивится тому факту, что в изложении отсутствуют сведения о новгородской и псковской истории, о путях становления государственности в Северо-Восточных русских княжествах, о возвышении Москвы. В тексте не упоминаются Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, бывший не только Переяславским и Владимирским, но и Киевским князем, а также Великие князья Владимирские и Московские Василий I Дмитриевич, Василий II Васильевич Темный, кровными узами связанные с литовской династией. Отсутствуют в изложении Великие князья Московские Иван III Васильевич и Василий III Иванович, без освещения деятельности которых непонятны истоки могущества Русского государства. Иван IV Грозный упомянут один раз. Его сына царя Федора Иоанновича составитель вспомнил лишь в связи с учреждением в России патриаршества. Ни слова не говорится о Смутном времени конца XVI – начала XVII века, без которого необъяснимо появление династии Романовых и западная внешняя политика России.

Но, даже оставаясь провинциалом, автор «Синопсиса» пытается по любому поводу (и даже порой без повода) вставить в рассказ известные ему сведения об общерусской истории в виде оговорок, замечаний, упоминаний. Видны усилия автора и в придании общерусского смысла истории Юго-Западной Руси.

В главе, где рассказывается о том, как Олег Вещий убил Аскольда и Дира и занял Киев, присутствует замечание: «а от Князей Варяжских, от Игоря Рюриковича прочие Князья даже до великих Князей Московских родство свое имели» (гл. 19). В главе, посвященной теме выбора веры Владимиром Святым, действие переносится во Владимир-на-Клязьме, куда он «престол свой Царский из Киева перенес, и содержалась Столица Царская там даже до Иоанна Даниловича» (гл. 38)⁵.

⁵ Владимир-на-Клязьме (сейчас Владимир) основан в начале XII в. Владимиром Мономахом, а столицу сюда перенес его внук Андрей Юрьевич Боголюбский, предварительно захвативший Киев и взявший там добычу. После этих событий 1169 г. Киев, и до того бывший лишь номинальной столицей, окончательно потерял свой статус. Андрей Боголюбский обрел титул Великого князя и перенес Великий стол во Владимир. Но лишь его брат Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, преодолев сопротивление других претендентов на Великий стол – более древних Ростова и Суздаля, получил титул Вели-

Легендарным является и заявление автора «Синопсиса», что именно Владимир Святой заложил и построил Успенский собор во Владимире: «Поставил же там Владимир и Церковь во имя Пресвятой Богородицы» (гл. 47). Культ Богородицы был и остается важнейшей составляющей русского православия. И потому идея преемственности власти от Киева к Владимиру получила здесь религиозно-символическое выражение: Богородичная Десятинная церковь в Киеве – Успенский собор Киево-Печерской лавры – Успенский собор во Владимире. Не случайно и московские князья трижды строили в Кремле именно Успенский собор, как и во Владимире.

Итак, автор «Киевского синопсиса» – выразитель идеи непрерывности и преемственности русской государственности, и потому заинтересованный защитник воссоединения русских земель под властью московского царя в XVII веке.

О Москве

Москва предстает в изложении Иннокентия Гизеля не только как фактическая, но и как символическая, сакральная столица Руси-России. Москвы еще не было и в помине, а синоптик рассказывает о ней в изложении библейских событий. Москва тем самым наполняет содержанием, символизирует единство народа, страны и государства.

Москва для киевского автора не существует отдельно от Юго-Западной Руси, потому он и настаивает на том, что «от Мосоха, праотца Славянороссийского, по наследию его, не только Москва – народ великий, но и вся Русь или Россия вышереченная произошла...» (гл. 8).

Передача императорских регалий киевскому князю Владимиру Мономаху отнюдь не означает, что именно Киев хранит до сих пор имперскую значимость. Потому составитель текста замечает, что царский венец «и доньше при Великих Государях Царях и Великих Князях Московских и всея России Самодержцах достойно и праведно содержится» (гл. 58).

Более того, Москва не только преемник Киева и Владимира, но город более высокой славы русского народа, его возрождения и возвышения: «И так величеством славы Княжеского Престола, перенесенного из города Владимира, богоспасаемый град Москва прославился, и прародительное имя Мосоха в нем для народа Российского обновилось...» (гл. 9).

Не случайно эта идея получает свое развитие в повествовании о победоносной Куликовской битве. Объединение русских князей, победа над Мамаем, торжество православия над исламом наполняются московской символикой. Священный собор, провожающий Дмитрия на брань, проходит через Фроловскую, Константинопольскую и Никольскую башни Кремля, а Дмитрий молится в Архангельском соборе. Возвращение русского войска с победой описано как следование князя Дмитрия по московским святыням: он посещает Андроников монастырь, проходит через Фроловские ворота, благодарит упокоившихся предков и московских чудотворцев в Архангельском соборе (гл. 75–103).

Таким образом, Москва трактуется автором «Синопсиса» как 1) главный славянский город (от Мосоха), 2) общерусский город, 3) законная преемница Киева и Владимира, 4) фактическая и символическая столица России, русского народа и русского православия.

О Литве и Польше

В этой связи интересно было бы выяснить, какую оценку приобретают Вильно и Краков, как описывается и оценивается пребывание части русских земель в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой?

Отстаивая версию единого происхождения славян, Иннокентий Гизель намеренно отделяет от них литовцев. Он указывает на то, что происходят они от другого народа – цимбров, и их племенные родственники – готы, половцы, ятвяги и печенеги (гл. 11).

Польский персонаж впервые появляется в главе о Святополке Окаянном – это Болеслав I Храбрый. Присутствие польского короля здесь, как и во всех русских летописях, лишь является фоном междоусобной борьбы и вокняжения Ярослава Мудрого. Иннокентий Гизель воспроизвел польскую легенду о Болеславовом мече, зазубренном якобы о Золотые ворота Киева в 1018 году (гл. 52)⁶. Также появляется и Болеслав II Смелый – лишь как персонаж, влияющий на борьбу за Киев сыновей Ярослава (гл. 53).

В нескольких главах о княжении Ярополка Владимировича, пытавшегося примирить партии Мономаховичей и Ольговичей, в качестве активного участника событий присутствует король Болеслав III Кривоустый (гл. 60-63)⁷. В этом рассказе есть эмоциональная и моральная оценка деятельности польского короля и русского князя. Смерть Болеслава – возмездие за несправедное поведение по отношению к Ярополку Владимировичу.

Радость победы над иноплемениками присутствует в описании княжения в Киеве Романа Смоленского: «Он был очень храбр и победил Литву; пленивши многих, содержал их в тяжелых кандалах и возлагал на них тяжкие работы, иных окованных впрягал в плуг как волов и пахал поля окрест Киева; и оттуда произошла одна притча, как один запряженный в плуг литвин, научившийся русскому языку, говорил: „Роман, Роман! Худым живешь – Литвою орешь!“ (гл. 66).

Общая для европейских народов и государств беда – нашествие татаро-монголов – изменила приоритеты в оценках синоптика. «Лютое иго татарское» оправдывает в его глазах бегство в Венгрию киевского князя Михаила Всеволодовича и Галицкого князя Даниила Романовича. Подробно и обстоятельно описывая мужественное сопротивление венгров, составитель текста, как и автор «Повести об убиении Батыя», сообщает, что умер Батый именно в Венгрии (гл. 104)⁸.

Княжения в Киеве, Галиции и на Волыни последних самостоятельных русских князей из династии Рюриковичей описаны очень кратко. Ослабление юго-западных русских земель из-за татаро-монгольского разгрома, по мнению автора, и было основной причиной их подпадения под власть Литвы.

Можно было бы ожидать, что более чем три века истории Юго-Западной Руси с XIV по XVII век найдут в столь обстоятельном труде киевского автора достойное и полное освещение. И нельзя скрыть удивления тем фактом, что пребывание части Руси в составе этих государств занимает всего две главы⁹.

«Прекратилось преславное Самодержавие Киевское», – формулирует краткий вывод автор, повествуя о присоединении русских земель к Литве в XIV веке (гл. 106). Боль от

⁶ На самом деле Ярослав не обновлял и не исправлял Золотые ворота, якобы порубленные Болеславом. И Киевская София, и Золотые ворота были построены Ярославом значительно позже. София – это храм-триумф, воздвигнутый на месте победы русского войска над печенегами. А победа эта была одержана в 1036 г.

⁷ Авантюрный рассказ о том, как Ярополк «хитрость хитростью» преодолел и отомстил Болеславу за криводушие, носит литературный, а не исторический характер. На самом деле Болеслав Кривоустый никогда не пленял Ярополка Владимировича, а последний не принимал участия в войне между польским королем и германским императором Генрихом V. В польском плену находился князь Володарь Рос-тиславич, действительно захваченный Болеславом хитростью. А следующие события, столь увлекательно изложенные в «Синопсисе», связаны с сыном Володаря Владимирко Галицким и другими персонажами. Вообще текст «Синопсиса» изобилует ошибками и неточностями. Например, дата смерти Ярополка Владимировича – 1138, а не 1140 г.; Владимир I умер в 1015 г., а не в 1017; церковь Святого Николая в Киеве построил Олма, а не Ольга, и т. д. В задачу издателей не входит проведение источниковедческого анализа текста «Синопсиса». Это сочинение интересует нас как свидетельство развития русской мысли XVII в.

⁸ Батый умер в 1255 г. в восточных улусах Монгольской империи.

⁹ Для сравнения: княжение Ольги описано в 4 главах, княжение Владимира I Святого – в 22 главах, Куликовская битва – в 29 главах.

потерь и унижение, осознание исторической несправедливости читаются и в рассказе об учреждении королем Казимиром IV киевского воеводства в XV веке: «...и от того времени преславное Самодержавие Киевское... настолько пришло в уничижение, что из Царства в Княжество, а из Княжества в Воеводство превратилось» (гл. 109).

А история с XV до середины XVII века предстает в изложении синоптика как простое перечисление киевских воевод. По-видимому, отрицательная историческая и эмоциональная оценка этих событий, а вовсе не недостаток исторических источников, определили эту особенность.

Автор «Синопсиса» использует другую литературную форму для описания этого периода истории. Это уже не повествование, а хроника, состоящая всего из двух страниц. Для сравнения: в главах о Чигиринских походах только описание руководящего состава войска, прибывшего для защиты Киева от турок и татар, занимает пять страниц и отличается большим вниманием к деталям. Здесь встречаются такие обороты, как «изрядный Малороссийский властелин», «многие Князья, Ближние Бояре, Окольничие, Воеводы и прочие богоискусные в воинских делах вожди», «компанейские и пехотные сердюки, называемые так от особо доброго сердца», и т. п. А о двух веках пребывания в составе Польско-Литовского государства только: «Лета от рожества Христова 1593 бысть Воевода в Киеве Князь Дмитрий Путятич и умре» (гл. 109)...

Автор «Синопсиса» обходит вниманием важные мероприятия польской власти: восстановление Киева королем Казимиром IV (XV в.), введение Александром Казимировичем городского Магдебургского права (XVI в.) и т. д.

По-видимому, киевлянин помнил другое: обессиление старобытной русской жизни, агрессию католичества, учреждение «бискупства», появление унии. Потому, по его логике, последствия разорения Киева в 1240 году были преодолены лишь в XVII веке воссоединением с Русским государством. Последнее воеводство Адама Брусиловского для автора «Синопсиса» примечательно лишь тем, что «после того воеводства снизошла милость Господа с небес на первоначальный всея России царственный град Киев» (гл. 109).

Итак, пребывание юго-западных русских земель в составе Литвы и Польши практически не описывается. Автор не считает этот период своей региональной истории ни положительным, ни благоприятным, ни закономерным. Он всеми доступными средствами проводит ту мысль, что часть русского народа, подчиненная литовцам и полякам, не выработала новой самоидентификации, а осталась такой же русской, как и жители Московии. Это лишь прерванная традиция развития русской этничности и государственности, восстановленная в середине XVII века.

О татарах и турках

«Киевский синопсис», отразивший злободневные вопросы формирования русского национального сознания в XVII веке, отличается антитатарской и антитурецкой направленностью. Это и понятно. В 1240 году Киев был до основания разрушен Батыевыми полчищами. Второй раз Киев был разорен и сожжен дотла в 1416 году войском хана Менгли-Гирея. И в дальнейшем татары не оставляли в покое земли Малороссии.

Потому татары и турки, так беспокоящие сознание русского человека в XVII веке, упоминаются уже в первых главах «Синопсиса» (гл. 4, 7).

Цивилизационное противоречие между славяно-православным и тюрко-исламским миром выражается в тексте через средневековое представление об иерархии народов. В «Киевском синопсисе», как и во многих русских источниках, татары называются «погаными». Римляне использовали термин *roganes* применительно к негражданам полиса. Затем это именование распространилось на всех варваров-язычников, не принадлежащих к «Римскому миру». Русские стали называть так чужеродных пришельцев языческой веры. Тот же

смысл имеют и обозначения в «Синопсисе» татар и турок как «агарян» и «измаильтян». Ветхозаветный сюжет о появлении у праотца Авраама незаконнорожденного сына Измаила, чьей матерью была рабыня Агарь, позволял трактовать агрессию татаро-монголов как незаконное вторжение отвергнутых Богом врагов.

Отказ от включения татар и турок в свой мир и свою историю привел к использованию в тексте устойчивых речевых оборотов. Батый награждается эпитетами «злочестивый», «проклятый», «скверный», «поганый», «безбожный». Мамай назван «безбожным», «окаянным», «проклятым», «поганым», «нечестивым». По отношению к турецкому султану, его военачальникам и крымскому хану используются выражения «ненавистник рода христианского», «лжи отца внук», «жестокосердый богопротивник», «христоненавистный басурманин».

Синоптик настоятельно подводит читателя к мысли о постоянном противостоянии Руси и тюркского мира. В главе о Владимире Мономахе присутствует его осмысленное замечание: «Половцев и прочих супостатов многажды побеждал, ибо был очень храбр и мужествен; и генуэзцев, владевших в то время Тавридой, где ныне Орда Перекопская» (гл. 57).

Впервые тема цивилизационного противостояния сливается с рассказом о реальной истории в гл. 71, и связано это, естественно, с Батыевым нашествием. Приход татаро-монгольских полчищ объясняется как наказание людям за грехи: «А Татары всей России Стольный и во всей подсолнечной славный Царственный град Киев взяли, город и окрестности огнем сожгли, иных людей посекали, а иных пленили, и все Государство Киевское ни во что обратили – в Божье наказание за грехи человеческие» (гл. 76).

Представление о богоизбранности русских христиан поддерживает оптимизм сочинителя. Рассказ о христианских бедствиях всегда заканчивается «забеганием вперед» и замечанием об их победе и возвращении на законное место в истории. Так, в повествовании о разорении татарами Киево-Печерской лавры встречаем оптимистичное замечание о ее возрождении в царствование Алексея Михайловича. Та же логика прослеживается и в изложении истории пребывания русских земель под татаро-монгольским игом: «... и как Государи обладали Христианами, пока их поганую силу Великий благочестивый Князь Димитрий Московский не победил...» (гл. 74).

Куликовская битва предстает как начало предопределенного Богом освобождения христиан. В уста митрополита Киприана автор вкладывает слова: «Если, Государь, человека хранит Бог, то его весь мир не может убить» (гл. 76). Дмитрий говорит стражникам: «Господь нам помощник, не убоимся; что сотворит нам человек?» (гл. 78). Посол к Мамаю Захария восклицает: «Бог что хочет, то и сотворит, и не будет так, как ты хочешь» (гл. 80).

Показательно, что рассказ о Чигиринских походах написан по образцу повествования о Куликовской битве. У него такая же структура, логика, эмоциональная и ценностная оценка. Но близость этих событий, остро ощущаемая опасность от турецко-татарской агрессии позволили автору сделать более радикальные выводы о значении Чигиринских походов: «Всему же православному воинству... да подаст всемогущий Бог... храбрость и силу на одоление Басурманов, на искоренение твердынь их поганских и на истребление всего рода их нечестивого, или на превращение поганского их государства под православного Монарха...» (гл. 116).

Таким образом, автор «Киевского синопсиса» тесным образом связал тему русского единения и возвышения русского государства с темой противостояния тюрко-исламскому миру. Он признавал, что вмешательство этих народов – «историческая судьба» Руси-России, но при условии объединения народных и государственных усилий проблема эта решается к радости русско-православного мира.

Текст «Синопсиса» проникнут духом русско-православного единства и приводит разнообразнейшие доказательства этой идеи. Единство в изложении автора проявляет себя в общности 1) этнической, 2) цивилизационной и 3) религиозной.

Православие как религия и основа мировоззрения и культуры является в «Синопсисе» главным фактором сохранения общности народа с X по XVII век. Автор вынужден признавать, что имели место и потеря частью русских княжеств и земель своей государственно-стью, и иноплеменное господство. А вот православная традиция не прерывалась и служила стержнем самоидентификации народа.

Важно, что название страны «Россия» и производное от него прилагательное «российский» используются в этом сочинении и как синонимы православной общности¹⁰.

Иннокентий Гизель – заинтересованный автор. Он является представителем части малороссийской элиты – высшего киевского православного духовенства, которое наряду с казачьими и шляхтскими лидерами выступало одним из инициаторов политического объединения России. Он встал в один ряд с такими подвижниками православия, как князь Константин Константинович Острожский, Печерские архимандриты Никифор Тур и Елисей Плетенецкий, запорожские гетманы Петр Конашевич-Сагайдачный и Богдан Хмельницкий, митрополит Петр Могила и многие другие.

Целью его жизни стало продолжение дела своего наставника Петра Могилы, восстановившего Киевскую православную митрополию. Итоги деятельности Петра Могилы были впечатляющими. Это и восстановление церковной иерархии, и замена униатских священников и епископов на православных, и возвращение православным церквей и монастырей, и просветительская и издательская деятельность.

Но если Петр Могила развернул свою кипучую деятельность в условиях, когда Россия была не готова оказать достойное сопротивление Польше, то Иннокентий Гизель был свидетелем наступательной внешней политики. Русско-польская война 1654–1667 годов закончилась возвращением России Смоленщины, Черниговщины и земель по левому берегу Днепра.

Политика, направленная на расширение автономии православной церкви в ослабевающем иноверческом государстве, каким была Речь Посполитая, должна была претерпеть изменения в связи с вхождением русских земель в состав усиливающегося русского православного государства.

«Синопсис» был написан в то время, когда инерция борьбы за автономию Киевской митрополии продолжала действовать, и главным фактором ее «отдельности» и инструментом давления на русскую монархию было подчинение (пусть даже формальное) Константинопольскому патриарху.

В 30–60-е годы XVII века православное духовенство Киевской митрополии стало частью не только культурно-религиозной, но и политической элиты.

И в Москве церковь также претендовала на ведущую роль в политике государства. Вспомним, что объединение Великой, Малой и Белой России происходило фактически одновременно с церковной реформой, называемой никоновской. Эти два явления связаны и взаимно обусловлены. Если бы русская церковь не получила возможности расставить приоритеты в вопросе взаимоотношений православных патриархий и митрополий, не утвердилась в праве быть носителем русских и греческих, то есть «вселенских» православных ценностей, то не появилось бы идеологической основы воссоединения России.

«Киевский синопсис» 1674 года является отражением позиции церковной элиты Малороссии в условиях преобразования «церкви воинствующей», существовавшей в составе

¹⁰ Это было распространенной практикой. Например, в предисловии к «Евангелию Учительному», изданному в 1569 г. в Литве на русском языке, указывалось, что оно издается «на почесть и похвалу Господу Богу, в Троицы единому, и к научению людям христианским закону нашего греческого». Изданная в 1648 г. в Москве книга «О вере единой» предназначалась всем, кто совершает богослужение «богоугодным языком словенским в Великой и Малой Руси, в Сербех и Болгарех».

Речи Посполитой, в составную часть русской православной церкви Московского патриархата.

Православная идея пронизывает весь текст «Синопсиса», создавая структурный каркас хронологического изложения и придавая общий смысл разбросанным во времени событиям. Начинаясь со слов о «Безначальном Родителе и Творце всей твари», изложение заканчивается благодарностью в заступничестве России «пречистой госпожи Богородицы», святых российских чудотворцев, преподобных отцов печерских и всех святых.

Католицизма и униатства как факторов русской истории в тексте «Синопсиса» практически нет. Речь идет не только о Великороссии, но и о тех территориях, что входили в состав Польско-Литовского государства. Католики появляются лишь как персонажи русской истории.

Русское есть православное – вот основная мысль сочинения. Потому после сообщения о том, что папа Римский короновал Даниила Галицкого, есть важная оговорка о том, что и после этих событий Даниил «веру православную крепко утвердил и пребывал в ней до конца своей жизни» (гл. 104).

Автор проводит мысль, что русские несправедливо подчинены полякам, так как обладают большими преимуществами. В частности, он настаивает на таком примере превосходства, как более раннее, чем у поляков, обретение письменности (гл. 15), которое, по мнению автора, ни больше ни меньше как «второе крещение» славян (гл. 44).

Теме крещения Руси в «Синопсисе» уделено огромное внимание. Второй по объему тематический блок (22 главы) посвящен именно крещению Руси Владимиром I Святым. Особую роль играет 44 глава «О том, сколько раз Россы прежде Владимира даже до царства его крестились», в которой автор описывает пятикратное крещение славян и, следовательно, показывает историческую неизбежность принятия православия.

Последовательно и логично изложена в «Синопсисе» идея преемственности русской митрополии (Киев, Владимир, Москва) и учреждение в России патриаршества.

Переезд Киевского митрополита Максима в 1299 году во Владимир-на-Клязьме предстает под пером синоптика неизбежным следствием ослабления церкви после монголо-татарского нашествия (гл. 105)¹¹.

Но, будучи представителем малороссийского духовенства, удаленного от центра развития русского православия, Иннокентий Гизель очень мало знает о церковной истории с 1299 (переезд митрополита Максима) по 1589 год (учреждение патриаршества). Упоминание в эпизодах – основной прием рассказа о православии в Великороссии.

Однако провинциальная ограниченность не помешала автору «Синопсиса», последовательно отстаивавшему антипольскую и антилитовскую линии, включить в повествование рассказ о церковных деятелях, боровшихся против разделения русской митрополии и униатства. Это митрополит Петр, избравший для своего пребывания не Галич, а Москву (гл. 85); митрополит Алексей, противостоявший Ольгерду в его попытках перенести русскую митрополию в Литву (гл. 108); Иона, который был поставлен в сан митрополита Собором русских иерархов после изгнания униата Исихора (гл. 108).

Установление патриаршества гармонично завершает в структуре «Синопсиса» тему возвышения русской православной идеи. Автор включил в текст сведения о столь волновавшей православную общественность проблеме – о месте российского патриарха и отдал ему

¹¹ Правда, составитель текста поселил митрополита Максима сразу в Москве. Но этот процесс был более сложным и длительным. Следующим митрополитом был выходец из Волыни Петр. Правивший в то время Галицией Рюрикович Юрий Львович хотел учредить митрополию в Галиче, но посвященный в сан всероссийского митрополита Петр принял судьбоносное для России решение – он в 1326 г. избрал для своего пребывания Москву Ивана Калиты. Закладка по его желанию Успенского собора была шагом по превращению Москвы в кафедральный город митрополита. И следующий митрополит Феогност уже формально учредил митрополию в Москве.

желанную третью позицию (гл. 108). По мнению Иннокентия Гизеля, существует взаимосвязь между высоким статусом русской церкви и победами Русского государства. Он делает вывод о том, что царь, помазанный патриархом на благое дело защиты Малороссии от турок и татар, «конечное устремление поганых Агарян и нечестивых Измаильтян разрушил; Киев добрыми выше чаяния надеждами наполнил и весь православно-российский народ таковым действием веселием и желанною отрадою прохладил» (гл. 110).

Алексей Михайлович тем самым замыкает ряд «идеальных князей», то есть правителей, которые объединяют следование христианским ценностям и защиту интересов государства. В «Синопсисе» были упомянуты многие князья, отличавшиеся благочестием, строившие церкви и монастыри, отдававшие им часть своего имущества и т. д.

Особое место печерский архимандрит уделил общерусской святыне – Киево-Печерской лавре.

Повествование о разорении Киева и Киево-Печерской лавры (гл. 71, 72) описывает разрушительные последствия татаро-монгольского нашествия для русско-православной культуры. Щемящая боль от невосполнимых потерь сквозит в словах автора: «Обитель Святая Печерская к своему первоначальному бытию и древней красоте не может вернуться. Ибо нынешнее строение далеко разнится от первого» (гл. 72). Не может он не рассказать о подвиге черноризцев, возобновивших «малый звон, нарицаемый благовестом» (гл. 73).

Андрею Боголюбскому за его покровительство Киево-Печерскому монастырю посвящен целый рассказ: «отдал на святую великую Лавру Успения Пресвятой Богородицы Печерской Киевскую город свой Василев» (гл. 65). И осуществление многовековой мечты русского народа об объединении приобретает символический образ – приобщение русского царя Алексея Михайловича к Печерским Святыням (гл. 110).

Итак, автор «Синопсиса» – защитник православия, сторонник усиления и возвышения русской патриархии. И даже его региональная позиция как представителя Киевской митрополии не мешает ему проводить мысль о том, что единство церкви – путь к освобождению и торжеству русско-православного мира...

* * *

«Киевский синопсис» оставил глубокий след в русской культуре. Кроме неоднократно переиздаваемых экземпляров имели хождение и рукописные копии. «Синопсис» был переведен на латинский и греческий языки. Св. Дмитрий, митрополит Ростовский, включил его в свое сочинение. На Украине «Синопсис» использовали составители народных хроник. В России он стал основой формирования антинорманнской теории, в своей работе его использовали М.В. Ломоносов и Н.М. Карамзин, последний почерпнул из этого сочинения сведения о древних славянских языческих богах и их культах.

К концу XIX – началу XX века «Киевский синопсис» стал рассматриваться как важный источник изучения русской исторической и общественно-политической мысли. Именно с этой точки зрения исследовал феномен этого сочинения историк П.Н. Миллюков.

Сегодня «Киевский синопсис» является не только одним из главных источников изучения общественно-политического сознания киевской элиты периода воссоединения Великороссии и Малороссии. Он является важным свидетельством того, что идея единства всегда живет вне зависимости от границ, разделяющих единый народ.

Сейчас, когда на Украине насаждаются мифы о том, что воссоединение Великороссии и Малороссии было целиком и полностью инициативой Москвы, которая якобы из имперских побуждений «захватила Украину», голос Печерского инок Иннокентия звучит в защиту другой идеи – идеи общего происхождения славянорусов, общей истории, общих радостей и печалей, общей судьбы.

И, несмотря на всю архаичность его языка и аргументации, он более убедителен и правдив, чем новоявленные мифотворцы, пренебрегающие исторической правдой ради сиюминутной политической выгоды.

Нынешним мифотворцам полезно знать, что думал ректор Киево-Могилянской академии и архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель о будущем единой державы: «...Высокая держава Царствия да возвышается, расширяется, утверждается, и он, Великий государь наш... всегда с победоносным одолением над всякими врагами и супостатами... от рода в род да пребывает, Аминь...»

* * *

Издатели надеются, что ознакомление с текстом «Синопсиса» – сочинения, написанного в XVII веке для русских и о русских, для православных и о православных, – будет интересно современному читателю.

Настоящее переиздание «Киевского синопсиса» имеет ряд особенностей.

Исключены прилагавшиеся к «Синопсису» росписи царей, великих князей, князей, воевод и т. д., поскольку эти таблицы и справочные материалы сравнимы по объему с повествовательной частью сочинения.

Текст «Синопсиса» воспроизведен с незначительными изменениями. Исключено за ненадобностью краткое предисловие к изданию 1836 года. Удалены размещавшиеся на полях ссылки на источники. Использован современный алфавит.

Другие изменения не вносились: не исправлялись ошибки издания 1836 года; не удалялись различия в написании одних и тех же слов, присутствующие в тексте; принятые в то время образцы написания имен собственных не заменялись на более привычные современному читателю (Осколд – Аскольд, Рурик – Рюрик и т. п.); была сохранена пунктуация источника. В тексте сохранились следы редактуры прошлых лет, в частности, пояснения, данные в скобках и помещенные в сносках.

«Синопсис» – сочинение XVII века, современному читателю мало знакомы правила построения предложений, приемы «плетения словес», некоторые речевые обороты и отдельные слова. Чтобы облегчить восприятие текста, издание дополнено кратким словарем.

Олег Сапожников, Ирина Сапожникова

КИЕВСКИЙ СИНОПСИС, или КРАТКОЕ СОБРАНИЕ от различных Летописцов о начале Славенороссийского Народа и первоначальных Князех Богоспасаемого ГРАДА КИЕВА

С присовокуплением современных росписей Великих Князей, Царей и Императоров Всероссийских, Польских Великих Князей и Королей, Литовских Великих Князей, Удельных Российских Князей, Митрополитов Киевских и всея России, Малороссийских Гетманов, Наместников и Князей, Воевод Литовских, Польских и Российских, Генерал-губернаторов, Губернаторов, Польских Кастелянов и Комендантов Российских, начальствовавших в Киеве с 1320 г. доныне; также Монголо-Татарских Великих Ханов и Удельных Крымских.

ОГЛАВЛЕНИЕ СИНОПСИСА

1. О начале древняго Славенскаго народа.
2. О имени и о языке Славенском.
3. О свободе или вольности Славенской.
4. О трех частех Света, именуемых Азия, Африка и Европа, вкратце извещение. О Азии. О Африке. О Европе.
5. О народе Русском или свойственное Российском, и о наречии, или названии его.
6. О народе Сарматском и о наречии его.
7. О народе Роксоланстем и о наречии его.
8. О Мосохе, прародителе Славенороссийском и о племени его.
9. О наречии Москвы народа и Царственного града.
10. О Козарех.
11. О Цимбрах.
12. О преславном верховном и всего народа Российского главном граде Киеве и о начале его.
13. О первоначальных Князех Киевских и о создании града Киева и имени его.
14. О смерти Кия, Щека и Хорева и о наследии их по них.
15. О сем, когда Россы писмена знати начаша.
16. Еще о Руси или Россиянех в полунощных странах, и о Великом Новгороде.
17. О княжении Рурика с братиею в Российской Земли.
18. О Осколде и Дире, племени Киевом, како начаша княжити в Киеве.
19. О княжении Игоря Руриковича с Олегом дядею.
20. О владении Олегом в Киеве и о смерти его.
21. О княжении Игоря Руриковича в Киеве по Олеге.
22. О княжении Великия Княгини Ольги в Киеве.
23. О первом походе Ольги к Древляном.
24. О втором походе Ольгином к Древляном.
25. О походе Ольги к Цариграду и о крещении ея.
26. О княжении Святослава, или Светослава Игоревича в Киеве, и о смерти Благоверныя Великия Княгини Елены.

27. О разделении княжений Светослава сыном своим и о смерти его.
28. О княжении Ярополка Светославича в Киеве.
29. О пришествии Великаго Князя Владимира Светославича в Киев.
30. О княжении Великаго Князя Владимира в Киеве и во всей России и о Самодержав-
ствии его.
31. О идолах. О облиании водою на Велик День.
32. О женах Владимировых.
33. О храбрости Владимировой.
34. О Белгороде, како киселем от осады свободися.
35. О победе Владимировой над Печенегами под Переяславлем, от нея же Переяславль
создан и наречся.
36. О послах различных к вере Владимира увещавающих.
37. О послах Греческих к Владимиру.
38. О совете Владимировом о верах и послании.
39. О возвращении послов к Владимиру.
40. О походе Владимира в Греческую землю ради крещения.
41. О крещении Владимира и о браце его.
42. О крещении всего народа Киевскаго и всея России.
43. О крещении сынов Владимировых.
44. О сем, колькраты Россы прежде Владимира даже до царствия его крестишася.
45. О утверждении совершенном Веры православныя в России и искоренении кумиров.
46. О Церкви Пресвятыя Богородицы Десятинной в Киеве.
47. О походе Владимировом к Суждалю, Ростову и к великому Новгороду.
48. О разделении княжения Российскаго от Владимира сыном его.
49. О преставлении Владимировом.
50. Благодарение Богу от всех Россов о неисповедимом его даре.
51. О княжении Святополка в Киеве, лета от создания Мира 6525, а от рождества Хри-
стова 1017.
52. О княжении Ярослава в Киеве, лета от сотворения Света 6527, а от рождества Хри-
стова 1019.
53. О княжении в Киеве Великаго Князя Изяслава Ярославича и о основании Церкви
Печерския еще древняныя.
54. О втором изгнании Изяслава из Киева, и об основании Великия Церкви Печерския
каменныя, украшении ея, и о ограде каменной всего монастыря.
55. О княжении Всеволода Ярославича в Киеве.
56. О княжении в Киеве Михаила Святополка Изяславича.
57. О княжении Владимира Всеволодовича Мономаха в Киеве.
58. О сем, откуда Российские Самодержцы венец Царский на себе носить начаша.
59. О княжении Мстислава Мономаховича в Киеве.
60. О княжении Ярополка Мономаховича в Киеве.
61. О сем, како воздаде Ярополк Болеславови хитрость хитростию.
62. Второй промысл отмищения Ярополка над Болеславом.
63. О различных Князех в Киеве, иже един другаго от Престола изгоняху.
64. Паки о различных Князех в Киеве, и о изгнании их от Престола междоусобном.
65. О княжении Мстислава Изяславича в Киеве и о прочих Князех Киевом владевших.
66. О княжении Романа Князя Смоленскаго в Киеве.
67. О княжении в Киеве Ярослава Изяславича.
68. О сем, яко не благослови Самодержцу Российскому Роману Владимирский Епископ
Греческа закона воеватися со Христианами, кроме благословныя вины.

69. Спор о Столице Самодержавия Российскаго и изгнании Князя от Венгров, или от Угров.
70. О князех разных Киевских.
71. О княжении Михаила Всеволодовича в Киеве, и о нашествии злочестиваго Батыя.
72. О разорении Прекрасныя Святыя Великия чудотворныя Лавры Печерския Киевския.
73. О благовесте во Святой Обители Печерской к Церковному служению, откуда он начася.
74. О летех, в них же Киевское Княжение и всяя России самодержавствие под Татарским пребысть игом.
75. О извещении Великому Князю Дмитрию, яко нечестивый Мамай идет войною на Русь.
76. О послании от Великаго Князя Дмитрия даров к Мамаеву.
77. О послании первыя стражи.
78. О послании вторыя стражи.
79. О приезде Руских Князей и Воевод и многих ратий к Москве.
80. О хождении Захарии в орду к Мамаю.
81. О грамоте Мамаевой к Великому Князю Дмитрию.
82. О отшествии Захарии от Мамаю.
83. О пришествии Захарии из посольства на Москву.
84. О походе Великаго Князя Дмитрия в Монастырь Святыя Троицы.
85. О походе Великаго Князя Дмитрия из Москвы противу безбожных Агарян.
86. О пришествии Великаго Князя Дмитрия на Коломну и о устроении полков.
87. О послании стражей от Великаго Князя Дмитрия, и о скорби Олега Резанского и Олгерда Литовского, яко поиде Князь Дмитрий на брань.
88. О пришествии двух братьев Олгердовичев на помощь Великому Князю Дмитрию.
89. О прехождении Дону и о взятии языка Мамаева.
90. О устроении воинств к брани, о укреплении всех полков от Великаго Князя Дмитрия и о молитве его.
91. О приметах Дмитрия Волынского предувещание.
92. О явлении Святых Мученик Бориса и Глеба.
93. О исходе обоих войск на брань, о устроении от Князя Дмитрия вместо себе Михаила, о послании Сергиевом и храбрости Пересвета чернца.
94. Послание от Игумена Сергия.
95. О горьком и претрашном чаше, в нем же множество создания Божия смертную испи на брани чашу.
96. О видении отверстых небес.
97. О исходе тайнаго из засады полку на брань и о преславной победе над Татарами.
98. О собрании войск Христианских под знаменья своя; о поискании и обретении Великаго Князя Дмитрия, и о великой радости от победы над Татарами.
99. О поезде Великаго Князя Дмитрия меж трупам. 100. О разсмотрении полков и исчитании убиенных.
101. О возвращении Великаго Князя Дмитрия с торжественною победою к Москве.
102. О походе Великаго Князя Дмитрия к Обители Святыя Троицы.
103. О погибели Мамаевой.
104. О княжении Киевском под лютым игом Татарским и о Князех Киевских отчасти.
105. О преселении Митрополита Киевскаго в Москву.
106. О взятии Стольнаго Российскаго града Киева от Литовскаго Князя Гедимины, и о присоединении Княжения Киевскаго к Литовскому.

107. Откуда два Митрополиты в России, один в Москве, а другой в Киеве.
108. О сем, когда в Царствующем граде Москве Патриаршеский Престол устроися.
109. О превращении Великаго Княжения Киевскаго в Воеводство.
110. О возвращении на первое паки Царственное бытие богоспасаемаго града Киева.
111. О первом бесурманском приходе под Чигирин.
112. О втором бесурманском приходе под Чигирин.
113. О преславной победе над Турками и Татарами бывшей на горе.
114. О пришествии под Чигирин войск православных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.